

Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса

УДК 343.536
ББК Х408.12

DOI: 10.14529/law210401

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ НАЧАЛА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Ю. А. Воронин

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Научковедческий и исторический анализ уголовно-правового регулирования в сфере экономической деятельности с конца минувшего столетия и до настоящего времени демонстрирует непрерывающуюся череду усилий Российского государства найти оптимальные варианты достижения его эффективности. Пока же, по мнению автора статьи, самой примечательной тенденцией, отразившейся в этих поисках, явилась лишь убежденность в том, что – даже по прошествии длительного после принятия УК РФ периода – целый ряд вопросов, требующих неотложного решения применительно к главе УК РФ об экономических преступлениях, продолжает сохраняться. Речь идет, в частности, о сохраняющейся актуальности решения проблемы адекватной систематизации существенно различающихся по многим параметрам многочисленных составов преступлений, входящих в упомянутую главу. Другой, достаточно проблемной особенностью статей УК РФ о преступлениях в сфере экономической деятельности по-прежнему является их «чрезмерная бланкетность», в свою очередь порождающая трудности и коллизии в процессе правоприменения. В их числе – противоречивость трактовок в конкретных ситуациях категории обратной силы уголовного закона. Урегулирование упомянутых и связанных с ними проблем – одна из первоочередных задач законодательства и правоприменительной практики в сфере российского уголовного права сегодня.

Ключевые слова: *уголовно-правовое регулирование, уголовное законодательство, экономическая деятельность, экономические преступления, уголовная ответственность, правоприменительная практика, бланкетные диспозиции.*

1. Большинство исследователей, давая характеристику действовавшему в начале 90-х гг. XX века законодательству о преступлениях в сфере экономической деятельности, констатировали его архаичность: оно не соответствовало наступившим переменам в развитии российского общества. Слом прежней экономической системы, оживление рыночных отношений создали условия для совершения неизвестных прежней экономике общественно опасных деяний, нарушающих принципы свободного предпринимательства. Необходимость внесения изменений в уголовное законодательство, таким образом, была совершенно очевидна. В этой связи был сформулирован ряд принципиально новых подходов к уголовно-правовому регулированию отношений в сфере экономической деятельности [1, с. 66–68].

Прежде всего, в соответствии с новой ситуацией государству было необходимо ограничить свое вмешательство в хозяйственную деятельность ее субъектов. Данная концептуальная идея получила воплощение в ряде федеральных законов и иных нормативных актах. В частности, в ст. 4 Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» среди основных принципов государственного регулирования такой деятельности было названо «исключение неоправданного вмешательства государства или его органов во внешнеторговую деятельность и нанесения ущерба участникам внешнеторговой деятельности и экономике Российской Федерации». Наряду с этим исключение подобного вмешательства было названо в качестве одного из основных принципов валютно-

го регулирования и валютного контроля в Российской Федерации (п. 2 ст. 3 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»). Кроме того, в Указе Президента РФ от 23 июля 2003 г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» в качестве одного из приоритетных направлений административной реформы было отмечено «ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования».

Вместе с тем совершенно очевидно, что в новых условиях государство не могло быть абсолютно безразличным к тому, что происходит в сфере экономической деятельности. Это обстоятельство справедливо подчеркнул А. М. Яковлев: «На смену статусному регулированию экономики, когда в сфере экономической деятельности было разрешено только то, что прямо предписано, приходит принцип «разрешено все, кроме того, что прямо запрещено» [4, с. 405]. Представления о безграничных возможностях саморегулирования рынка, которые были свойственны многим экономистам и юристам на первых этапах экономической реформы, не выдержали эмпирической проверки. Как было указано в одном из ежегодных посланий Президента РФ Федеральному собранию РФ, «эффективное рыночное хозяйство – это не только свобода частной инициативы, но и строгий правовой порядок, единые стабильные и неукоснительно соблюдаемые всеми правила экономической деятельности. Задача государства – установить эти правила и обеспечить их выполнение».

В качестве другой основополагающей задачи Российского государства была подчеркнута необходимость обеспечить декларированные в Конституции РФ гарантии предпринимательской деятельности. Речь шла прежде всего о защите предпринимателя от незаконного вмешательства в его хозяйственную деятельность, а также от проявлений недобросовестной конкуренции. Провозглашался, в частности, тезис о том, что государство обязано бороться с криминальным предпринимательством, наносящем вред как интересам потребителей, так и законным интересам других предпринимателей и самого государства. В этой связи, А. В. Наумов следующим образом сформулировал задачи уголовно-правовых

норм о преступлениях в сфере экономической деятельности. По его мнению, «необходимо, во-первых, оградить рыночную экономику от недобросовестного предпринимательства. Во-вторых, защитить честного предпринимателя от злоупотребления должностных лиц (чаще всего исполнительной ветви власти), их незаконного вмешательства в предпринимательскую деятельность. В-третьих, защитить интересы, потребности общества и государства (в указанной сфере) от недобросовестного предпринимателя и криминала» [5, с. 237].

Конституционные положения о свободе и границах допустимой экономической деятельности, а также содержание самих законов, регулирующих эту деятельность, позволили более или менее четко определить в УК РФ круг общественно опасных деяний в сфере экономики и, по сути, кардинально реформировать соответствующую систему составов преступлений. При этом российские криминалисты справедливо констатировали, что применительно к продолжающемуся процессу формирования системы преступлений в сфере экономической деятельности можно выделить следующие направления: «определение деяний, подлежащих криминализации, установление преступлений, которые утратили общественную опасность, более точное определение объектов преступлений, входивших ранее в число хозяйственных преступлений, уяснение содержания родового объекта преступлений в сфере экономической деятельности и фиксации его границ в уголовном законе» [6].

Представляется, что в ходе реализации перечисленных задач наиболее принципиальные изменения в уголовном законодательстве об экономических преступлениях нашли отражение в следующих моментах.

Во-первых, значительное число деяний, считавшихся преступлениями, после введения в действие УК РФ перестали быть таковыми. В частности, был декриминализован целый ряд хозяйственных преступлений: например, получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения, нарушение правил торговли, нарушение государственной дисциплины цен. Констатировалось, что общественная опасность этих деяний в новых реалиях была утрачена полностью; другие же были переведены в категорию административных правонарушений.

Во-вторых, были существенно изменены

критерии привлечения к уголовной ответственности за ряд уже существовавших в уголовном законодательстве преступлений в сфере экономической деятельности. Так, по УК РСФСР 1960 года, предметом незаконных валютных сделок путем купли-продажи валютных ценностей, обмена, использования их в качестве средства платежа признавались любые валютные ценности, в том числе иностранная валюта и ценные бумаги в иностранной валюте. УК РФ в ст. 191 предусмотрел уголовную ответственность лишь за незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга, декриминализовав сделки с так называемой «мягкой» валютой. И наоборот, расширилась сфера применения уголовной ответственности за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг. Если раньше предметом этого преступления были лишь государственные ценные бумаги, то по ст. 186 УК РФ в связи с широким участием в гражданском обороте еще и негосударственных ценных бумаг последние также стали считаться предметом данного преступления [1, с. 70].

В-третьих, в результате обновленной трактовки объектов некоторых общественно опасных посягательств ряд составов преступлений, унаследованных из прежнего уголовного законодательства, получил закрепление в совершенно иных главах УК РФ.

Например, опасным преступлением бесспорно являлось и является производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. При этом, с одной стороны, данное деяние относится к сфере экономической деятельности, поскольку нарушает ее правила. С другой стороны, нельзя отрицать, что здоровье населения, которое также ставится в опасность при выпуске и продаже таких товаров или оказании услуг, все же является более значимым благом. Поэтому в УК РФ статья, содержащая описание признаков данного преступления (ст. 238), на наш взгляд, была справедливо включена в гл. 31 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Другой, не менее характерный пример: относившиеся прежде к числу хозяйственных преступлений нарушения природоохранного законодательства, допускаемые при осуществлении экономической деятельности, в силу однородности основного

объекта посягательства образуют теперь в УК РФ самостоятельную гл. 32 «Экологические преступления».

В-четвертых, в УК РФ с учетом требований борьбы с новыми видами общественно опасных деликтов в сфере экономической деятельности были сформулированы десятки новых составов преступлений. В частности, речь идет о воспрепятствовании законной предпринимательской или иной деятельности; легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления; незаконном получении кредита, злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности; незаконном получении и разглашении сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну; неправомерных действиях при банкротстве, преднамеренном и фиктивном банкротстве. В гл. 31 «Преступления в сфере экономической деятельности», помимо ст. 185 «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг», была включена ст. 185.1, устанавливающая уголовную ответственность за злостное уклонение от предоставления инвестору или контролирующему органу информации, определенной законодательством РФ о ценных бумагах. И это лишь единичные примеры, которыми далеко не исчерпываются все многочисленные дополнения, изменения и поправки, осуществленные за минувшую четверть века российским законодателем в целях совершенствования гл. 22 УК РФ.

2. Вместе с тем, на наш взгляд, нельзя охарактеризовать вышеуказанную законодательскую активность применительно к анализируемой главе УК РФ как однозначно бесспорную. И вот почему.

Так, было бы несправедливым отрицать, что глава «Преступления в сфере экономической деятельности» в настоящее время является самой большой и одной из самых важных глав в УК РФ. Она концентрирует чрезвычайно широкий спектр составов преступлений, отличающихся друг от друга признаками объективной стороны, характером и степенью общественной опасности преступных деяний, а также целым рядом других параметров. Но, к сожалению, такая «разношерстность», по мнению многих специалистов в области уголовного права, исследовавших указанную группу составов преступлений, затрудняет попытки провести их адекватную систематизацию. Не случайно, как правило, предлагае-

мые варианты подобной систематизации существенно различаются, поскольку многие, включенные в гл. 22 УК РФ преступления экономической направленности, посягают на несколько различных видов общественных отношений, причиняют вред различным ценностям и интересам, и в зависимости от того, какому аспекту изучения конкретный исследователь субъективно отдает предпочтение, конкретное общественно опасное деяние попадает в соответствующую группу. Поэтому большинство ученых, как справедливо отмечает П. С. Яни, констатируют известную условность существующего деления содержащихся в гл. 22 статей по группам, поскольку, с одной стороны, глава включает составы преступлений, объекты которых очевидно находятся если не за пределами, то на периферии сферы экономической деятельности, а с другой – непосредственные основные или дополнительные объекты многих экономических преступлений тесно и замысловато «переплетаются». С сожалением следует признать, – пишет П. С. Яни, – что бесспорно удачной классификации групп объектов экономических преступлений не предложено до сих пор, да и создать такую классификацию весьма затруднительно в принципе [7].

Подобная ситуация во многом является следствием того, что в минувшие два с половиной десятилетия в процессе разработки и кодификации нового уголовного законодательства его авторам не удалось преодолеть соблазн излишне широкой криминализации. Кроме того, достаточно очевидно, что многие иные отраслевые (чем уголовно-правовые) законы, регулирующие в настоящее время экономическую деятельность, также не избегают упоминания о запретах. Но ответственность за нарушение данных запретов формулируется в них, как правило, самым общим образом, то есть устанавливается, что соответствующие нарушения влекут гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность, но не предлагается при этом критериев разграничения названных видов ответственности. Чрезмерно широкая криминализация правонарушений в сфере экономической деятельности, конечно, недопустима, поскольку уголовная ответственность – это крайнее средство, к которому следует прибегать, лишь когда иные возможности исчерпаны [1, с. 88]. Но, к сожалению, до сих пор центральным и до конца нерешенным вопро-

сом остается определение критериев, наличие которых может оправдать вмешательство государства в гражданско-правовые отношения экономически независимых и юридически равноправных субъектов, обосновать необходимость не просто возмещения причиненного вреда, восстановления нарушенного права, но и уголовного наказания правонарушителя [4, с. 406].

Другой, достаточно проблемной особенностью статей УК РФ о преступлениях в сфере экономической деятельности по-прежнему является их «чрезмерная бланкетность». В этой связи нынешняя ситуация, на наш взгляд, выглядит следующим образом.

Так, с одной стороны, представители уголовно-правовой науки вполне справедливо сходятся в том, что «бланкетный» подход законодателя к описанию составов экономических преступлений вполне понятен и допустим. Ведь данные преступления нарушают порядок осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности, установленный различными отраслями права в соответствующих законах, так или иначе регулирующих экономическую деятельность. Естественно, это предполагает в ходе применения норм уголовного закона необходимость систематического обращения к действующему гражданскому, таможенному, банковскому, финансовому, налоговому законодательству. При этом подразумевается, что любую бланкетную диспозицию в принципе можно развернуть в описательную, поскольку уголовно-правовая норма, будучи воссозданной в полном объеме и содержании, предполагает включение в нее всех тех правил, запретов и обязанностей, установленных в нормативных актах регулятивных отраслей права, ответственность за нарушение которых предусмотрена конкретной уголовно-правовой нормой [1, с. 98].

Но, с другой стороны, соглашаясь в принципе с подобной постановкой вопроса, нельзя отрицать тот факт, что сохраняющаяся до сих пор дискуссионность проблемы содержания уголовно-правовых норм о преступлениях в сфере экономической деятельности, изложенных в статьях УК РФ с бланкетной диспозицией, заключается в неоднозначности ответа на вопрос: какие нормативные акты иных (кроме уголовного) регулятивных отраслей права, где сформулированы определенные правила, запреты и обязанности, мо-

гут (или должны) составлять содержание этих норм? Если признать верным положение, согласно которому соответствующие правила, обязанности и запреты входят в содержание уголовно-правовой нормы, изложенной в статье с бланкетной диспозицией, то отсюда вытекает следующий вполне логичный, на наш взгляд, вывод. Эти правила и запреты должны устанавливаться лишь на федеральном уровне, а отнюдь не региональными и локальными нормативными актами. Уголовно-правовая норма не должна иметь различное содержание в зависимости от субъекта Федерации или (что еще более нелепо) от муниципального образования. Ведь этот вопрос вполне однозначно решается Конституцией РФ, согласно которой уголовное законодательство находится в ведении Российской Федерации. В этой связи Л. Д. Гаухман справедливо отмечает: «В бланкетных нормах УК РФ содержатся ссылки не только на законы, но и на другие нормативные правовые акты, причем нормы ряда этих законов еще и конкретизируются иными нормативными правовыми актами. Такое положение создает для исполнительной власти возможность непосредственно влиять на изменение – расширение или ограничение – сферы уголовной ответственности, тогда как это является исключительной прерогативой законодательной власти ... Природа правового государства диктует необходимость того, чтобы сфера уголовной ответственности определялась, регулировалась, изменялась только законодателем и ни при каких условиях органами политической власти» [2, с. 245–246].

По мнению исследователей упомянутой проблемы, в частности О. В. Шадринной, задачу корректного правоприменения усложняет также другой аспект чрезвычайно широкого использования бланкетных диспозиций. Так, из того факта, что правила, обязанности и запреты, установленные регулятивным экономическим законодательством, входят в содержание уголовно-правовой нормы об ответственности за их нарушение, вытекает сложность решения вопроса, связанного с проблемой обратной силы уголовного закона. В частности, в процессе правоприменения его субъекты не всегда принимают во внимание следующее, казалось бы, очевидное правило. Когда положения измененной регулятивной нормы в силу бланкетного изложения диспозиции статьи стали частью уголовно-правовой

нормы, тогда эти изменения, ранее внесенные в регулятивную норму, одновременно должны являться и изменениями уголовно-правовой нормы, влекущими расширение или сужение круга преступного, рамок и условий уголовной ответственности, в том числе – частичную декриминализацию или, напротив, криминализацию того или иного деяния. Ведь в результате подобных изменений уголовный закон получает другое, обновленное содержание и становится по существу новым, хотя формально текст статьи УК не изменился. Соответственно, если новое содержание уголовного закона исключает преступность какого-либо деяния, этот новый (по содержанию, а не по форме) уголовный закон имеет обратную силу. Не случайно поэтому для конкретных случаев данное обстоятельство потребовало истолкования Пленумом Верховного Суда РФ, который сформулировал в п. 17 своего Постановления № 23 от 18 ноября 2004 г. «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» следующее положение: «Если федеральным законодательством из перечня видов деятельности, осуществление которых разрешено только на основании специального разрешения (лицензии), исключен соответствующий вид деятельности, в действиях лица, которое занималось таким видом предпринимательской деятельности, отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 171 УК РФ» [9, с. 109].

Наконец, следует также обратить внимание еще на одно обстоятельство, до сих пор усложняющее процесс квалификации общественно опасных деяний, предусмотренных в гл. 22 УК РФ. Так, в статьях о преступлениях в сфере экономической деятельности широко используются понятия и термины регулятивных отраслей права, в частности, «предпринимательство», «сделка», «кредит», «банкротство», «банковские операции», «налог», «таможенный платеж», «ценная бумага» и т.д. При этом неукоснительное следование принципу системности права, казалось бы, должно было исключать различное понимание одних и тех же терминов в разных отраслях права. Между тем, как отмечает И. В. Шишко, в правовой реальности законодатель нередко ограничивает значение использованных в том или ином нормативном акте понятий рамками именно этого акта и вкладывает в это же по-

нятие в другом нормативном акте несколько иное содержание. Отсюда И. В. Шишко делает очень важный вывод: «при толковании иноотраслевого термина (то есть бланкетного признака) в диспозиции уголовно-правовой нормы следует исходить из его значения не во всем правовом массиве и, как правило, даже не одной отрасли законодательства, а только в том нормативном правовом акте, который непосредственно регулирует общественные отношения, охраняемые конкретной бланкетной нормой Уголовного кодекса. Одно и то же понятие последовательно и неуклонно определяется одним термином внутри целой отрасли законодательства только при законодательном распространении его на отрасль». И далее: «...разнородность общественных отношений, охраняемых нормами гл. 22 Уголовного кодекса... обуславливает, как правило, невозможность использования в ней одного иноотраслевого термина в одном значении» [10, с. 220]. Разумеется, анализируемое обстоятельство крайне осложняет применение уголовного закона, в связи с чем И. А. Клепицкий посчитал более удачным решение, предложенное германскими правоведом, согласно которому, пока не установилось единообразное толкование признаков, допускающих различное толкование, эти признаки должны толковаться наиболее благоприятным для обвиняемого образом [3, с. 60–61]. В целом же, оценивая сложившуюся ситуацию, В. С. Устинов справедливо констатирует: «Если в уголовном законе используются правовые категории, понятия о которых даны в других отраслях законодательства, то они должны пониматься в соответствии с их определением. Разное понимание одних и тех же терминов в уголовном законодательстве и в других отраслях права недопустимо, ибо тем самым нарушаются принципы системности, единства языка законодательства, которые могут повлечь вредные последствия для правоохраняемых ценностей» [2, с. 207].

Таким образом, анализ затронутых в статье проблем свидетельствует, что даже по прошествии достаточно длительного после

принятия УК РФ промежутка времени целый ряд вопросов, требующих неотложного решения применительно к главе УК РФ об экономических преступлениях, продолжает сохраняться. Полагаем, что их урегулирование – одна из первоочередных задач законодательства и правоприменительной практики в сфере российского уголовного права сегодня.

Литература

1. Волженкин, Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России / Б. В. Волженкин. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 763 с.
2. Гаухман, Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2005. – 457 с.
3. Клепицкий, И. А. Система хозяйственных преступлений / И. А. Клепицкий. – М.: Статут, 2005. – 572 с.
4. Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М.: Спарк, 2002. – 1038 с.
5. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. Особенная часть / А. В. Наумов. – М., 2004. – Т. 2. – 830 с.
6. Российская газета. – 1997. – 7 марта.
7. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. И. Э. Звечаровского. – М., 2004. – 137 с.
8. Устинов, В. С. Техника конструирования дефиниций в уголовном законодательстве / В. С. Устинов // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. – Новгород, 2001. – С. 206–213.
9. Шадрина, О. В. Уголовная ответственность за преступления в банковско-кредитной сфере по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Шадрина. – М., 2008.
10. Шишко, И. В. Экономические правонарушения: вопросы юридической оценки и ответственности / И. В. Шишко. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 305 с.

Воронин Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: voroninya@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 12 июня 2021 г.

FUNDAMENTAL PRINCIPALS OF CRIMINAL LAW REGULATION IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY: A HISTORY OVERVIEW

YU. A. Voronin

South-Urals State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Scientific and historical analysis of the criminal law regulation in the sphere of economic activity from the end of the last century to the present time demonstrates an ongoing series of efforts by the Russian state to find the best ways to achieve its effectiveness. In the meantime, according to the author of the article, the most remarkable trend reflected in these searches, was only the belief that for a long period since the adoption of the Criminal code of 1996, a number of issues that require urgent solution in relation to the Chapter on economic crimes continue to persist. It is in particular about the relevance of the problem of adequate systematization of the numerous elements of crimes included in the mentioned Chapter, which differ significantly in many parameters. Another rather problematic feature of articles on crimes in the sphere of economic activity is still the “excessive referencing”, which in turn creates difficulties and conflicts in the process of law enforcement. Among them is the inconsistency of interpretation in specific situations of the content of the category of retroactive force of the criminal law. The resolution of the above mentioned and related problems is one of the priority tasks of lawmaking and law enforcement practice in the field of Russian criminal law today

Keywords: *criminal law regulation, criminal legislation, economic activity, economic crimes, criminal liability, law enforcement practice, reference dispositions.*

References

1. Volženkin B. V. *Prestupleniâ v sfere èkonomičeskoj deâtel'nosti po ugovolnomu pravu Rossii* [Crimes in the sphere of economic activity under the criminal law of Russia]. St. Petersburg, 2007, 763 p.
2. Gauhman L. D. *Kvalifikaciâ prestuplenij: zakon, teoriâ, praktika* [Qualification of crimes: law, theory, practice]. Moscow, 2005, 457 p.
3. Klepickij I. A. *Sistema hozâjstvennyh prestuplenij* [The system of economic crimes]. Moscow, 2005, 572 p.
4. Kudrâvcev V. N., Naumov A. V. *Kurs rossijskogo ugovolnogo prava. Osobennaâ čast'* [The course of Russian criminal law. The special part]. Moscow, 2002, 1038 p.
5. Naumov A. V. *Rossijskoe ugovolnoe pravo. Kurs lekcij. Osobennaâ čast'* [Russian criminal law. A course of lectures. The special part]. Moscow, 2004, Vol. 2, 830 p.
6. *Rossijskaâ gazeta* [Rossiyskaya Gazeta], 1997, 7 marta.
7. Zvečarovskij I. È. *Ugovolnoe pravo Rossii. Osobennaâ čast'* [Criminal law of Russia. The special part]. Moscow, 2004, 137 p.
8. Ustinov V. S. [Technique of constructing definitions in criminal legislation]. *Zakonotvorčeskaâ tehnika sovremennoj Rossii: sostoânie, problemy, soveršenstvovanie* [Legislative technique of modern Russia: status, problems, improvement]. Novgorod, 2001, pp. 206–213. (in Russ.)
9. Šadrina O. V. *Ugovolnaâ otvetstvennost' za prestupleniâ v bankovsko-kreditnoj sfere po ugovolnomu pravu Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. ūrid. nauk* [Criminal liability for crimes in the banking and credit sphere under the criminal law of the Russian Federation. Diss. Kand. (Law)]. Moscow, 2008.
10. Šiško I. V. *Èkonomičeskie pravonarušeniâ: voprosy ūridičeskoj ocenki i otvetstvennosti* [Economic offenses: Issues of legal assessment and responsibility]. St. Petersburg, 2004, 305 p.

Yuri Alexandrovich Voronin – Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of Criminal and Criminal-Executive Law, Criminology, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: voroninya@yandex.ru.

Received 12 June 2021.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Воронин, Ю. А. Основополагающие начала уголовно-правового регулирования в сфере экономической деятельности: исторический экскурс / Ю. А. Воронин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 7–14. DOI: 10.14529/law210401.

FOR CITATION

Voronin Yu. A. Fundamental principals of criminal law regulation in the sphere of economic activity: a history overview. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 7–14. (in Russ.) DOI: 10.14529/law210401.
